

СЕКЦИЯ № 2

**Государственно-правовые
и историко-правовые аспекты
жизнедеятельности общества**

Беляева Е.В.

Конституционное право на жизнь: история и современность

Бирюков М.Н.

Формы реализации государственного суверенитета Российской Федерации

Военкова Е.А.

Особенности правового регулирования нотариальной деятельности
во Владимирской губернии

Гусарова М.Е.

Нравственное воспитание
как объект правового регулирования в России в XVIII в.

Ершов В.Е.

Городовые служилые люди: исторические параллели

Короткова Ю.А.

Губернские и городовые магистраты в России в первой четверти XVIII в.
(по материалам Владимирского и Муромского уездов)
Совестные суды в период правления Екатерины II
(по материалам Государственного архива Владимирской области)

Кулагина И.П.

Институт российской адвокатуры и его реформирование в 1864 г.

Лаврентьева Т.В.

Новые формы взаимодействия
государственных и общественных институтов защиты прав человека

Малакаев К.Н.

Право на жизнь в контексте мировых религий

Попова В.В.

Структура органов городского общественного управления
во II половине XIX в.
Проблема трансформации городских сословий в России
во второй половине XIX в.

Телешина Н.Н.

Виртуальное пространство
как объект контрольной деятельности государства
Правовая природа и значение контрольной деятельности государства

Черкашина Н.В.

Особенности призрения детей-сирот
во второй половине XIX – XX вв.

Конституционное право на жизнь: история и современность

Трагедией девятнадцатого, двадцатого, а теперь и двадцать первого века без преувеличения можно считать правовой релятивизм. В XIX веке, одновременно с ростом материализма и позитивизма, а также социалистических учений, в западном сознании и в юридической практике все более укореняется принцип позитивного действующего права. Право теперь стало осмысляться как человеческое изобретение, конструкция, которую общество создает для своей пользы, для решения поставленных им самим задач. Любые изменения права, если они приняты обществом, законны. За писанным кодексом нет никакой абсолютной основы и его в любой момент можно переписать согласно нуждам общества. Последствия подобной правовой революции были весьма печальны: право лишилось своей религиозной, нравственной и онтологической основы и сделалось беспомощным против революций и катастроф, потрясших общество.

Вот как об этом пишет великий русский философ Иван Ильин: «Правосознание становилось беспочвенным: мотивы и побуждения его делались плоскими; оно теряло свое благородное направление, свои первоначальные священные основы и подчинялось духу скептицизма, в котором все сомнительно, духу релятивизма, для которого все относительно, и духу нигилизма, который не хочет верить ни во что. Правосознание разучалось видеть добро и зло, право и несправедливость; все стало условным и относительным, водворилась буржуазная беспринципность и социальное безразличие, надвигалась эпоха духовного нигилизма и публичной продажности. В XIX веке в Европе расцвела абстрактная и формальная юриспруденция, которая считалась только с положительным правом и не хотела слышать о естественном (т.е. верном, идеальном, совестном праве), в ней можно было найти лишь скудные намеки на социальную идею и бледные остатки христианской идеологии, причем то и другое считалось «субъективным и ненаучным». И как только попытались научно оформить зародыш этой социальной идеи, так сложилась «социалистическая» и «коммунистическая» доктрина».

Социалистическое право и правосознание явились высшим торжеством права позитивного, поскольку оно санкционировало любое изменение, любую революцию, отвергающую все законы «старого мира», в том числе и нравственные, если это в какой-то момент оказалось угодным части общества 22 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров практически уничтожил прежнее почвенное российское законодательство, заменив его позитивными принципами «законной революционности» и революционной законности. Последствия всем известны: это сотни тысяч (если не миллионы) расстрелянных по приговорам ревтрибуналов, троек, чрезвычайек (или вообще без всякого приговора), миллионы умерших от голода, холода и непосильного труда в лагерях и ссылках, миллионы раскулаченных и насильно переселенных.

На рубеже XX и XXI веков значительная часть российского общества вступила на путь духовного возрождения, осмысления и утверждения вечных духовных основ общественной жизни. И в это процессе возникает и крепнет убеждение, что духовное возрождение общества означает изменение, совершенствование правового порядка, нормативно-правового регулирования, приведение писаного законодательства в соответствие с нравственными императивами, императивами естественного права.

В ходе трагических экспериментов XX века оказались поправлены существеннейшие права человека (право на жизнь, право на свободу совести и убеждений, право на собственность, политические и культурные права). В ходе посткоммунистических преобразований многие из перечисленных прав были восстановлены, что зафиксировано в действующей Конституции и иных законодательных актах.

Однако правовая система Российской Федерации продолжает нести на себе следы безбожного периода нашей истории. Одним из существеннейших таковых следов является непоследовательность в декларировании и реализации государственных гарантий человеческого права на жизнь. Фундаментальная презумпция права на жизнь отражена в действующем законодательстве противоречиво. И эта

ситуация требует немедленных действий от всех субъектов права внесения поправок в Конституцию Российской Федерации и другие нормативно-правовые акты!

На наш взгляд, в описанной правовой коллизии мы видим конфликт двух мировоззрений – сохранившегося до наших дней христианского отношения к жизни и атеистического нигилизма. Надо отметить, что в пользу первой позиции говорят и данные научных исследований. Так, с точки зрения современной эмбриологии, с момента оплодотворения человеческий эмбрион – живое человеческое существо, отличное от своих родителей, которое принадлежит к роду *Homo sapiens*, обладает собственным уникальным генетическим кодом, динамично развивается, последовательно раскрывая потенции, заложенные в него природой, и которое мы вправе называть «человеком на эмбриональной стадии его развития».

Позиция Русской Православной Церкви по отношению к данной проблеме однозначна: каноническое право приравнивает грех аборта к убийству. О том, что человек с момента зачатия обладает бесценным даром жизни, Русская Православная Церковь свидетельствует и в принятых на Архиерейском Соборе 2000 г. «Основах социальной концепции» (XII.1.).

Наша позиция, позиция всех сторонников законодательной защиты права человека на жизнь с момента зачатия и равноценной значимости жизни и матери, и зачатого ребенка, зиждется на целом комплексе оснований, среди которых можно выделить:

- 1) объективные научные данные о начале человеческой жизни;
- 2) философскую очевидность трансцендентности человеческой личности, которую невозможно отождествить с каким-либо временным отрезком человеческой жизни, а тем более свести к биологическим, социальным или психологическим проявлениям;
- 3) однозначность естественно-правовых норм, клятвы Гиппократ и библейских заповедей о недопустимости посягательств на человеческую жизнь, включая заповедь «не убий», а также иные предписания, защищающие нерожденных детей.

Особо необходимо подчеркнуть соответствие нашей позиции нормам и принципам международного гуманитарного права, зафиксированным во «Всеобщей декларации прав человека» (1948 г.), «Декларации прав ребенка» (1959), «Конвенции о правах ребенка» (1989 г.).

Безусловно, одной из причин демографической катастрофы в России является законодательная поддержка индустрии аборт. Свою долю ответственности несет и законодательная власть, до сих пор не оградившая зачатых детей от посягательств на их жизнь.

Конституционное же закрепление права на жизнь человеческого эмбриона с момента зачатия закрепит право на жизнь как абсолютную ценность, и будет способствовать формированию гуманного и морально оправданного отношения к человеческому эмбриону в современном российском обществе.

Формы реализации государственного суверенитета РФ

Значительным шагом на пути обеспечения подлинного суверенитета Российской Федерации явилась Декларация «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики», принятая 12 июня 1990 года первым съездом народных депутатов РСФСР. Выражая волю народов России, Декларация провозгласила государственный суверенитет РСФСР на всей ее территории, предусмотрев политические, экономические и правовые гарантии суверенной России.

Основные положения Декларации нашли свое отражение в действующей Конституции Российской Федерации.

Целью является рассмотрение и анализ форм реализации государственного суверенитета Российской Федерации.

Государственный суверенитет РФ – категория сложная. Это обуславливается спецификой России, как многонационального государства.

В данной связи следует учесть и то обстоятельство, что с момента распада СССР и крушения политических систем бывших советских республик, Россия, как впрочем и другие субъекты распавшегося Союза, переживает глубокий политико-экономический кризис.

Суверенитет (от английского *sovereignty* и французского *souverainete*) – это верховная власть. Суверенитет – один из существенных признаков государства, его возможность полноправно осуществлять внутри- и внешнеполитические дела страны и не допускать вмешательства в свою деятельность иностранных государств и других внутригосударственных сил (организаций).

Государственный суверенитет Российской Федерации – категория сложная, не сводимая лишь к компетенции властных структур государства, то есть сумма суверенных прав не является полным выражением сущности суверенитета. Но комплекс полномочий властных органов имеет большое значение в теории суверенитета: он представляет собой основу реализации государственного суверенитета. Ниже перечислены суверенные права – тот минимум, без которого не представляется возможным осуществление государственного суверенитета:

- право самостоятельного осуществления учредительной власти;
- право формирования и конституционного закрепления системы высших и местных органов государственной власти;
- право самостоятельного осуществления всех форм государственной деятельности (законодательной, исполнительно-распорядительной, судебной, контрольно-надзорной и др.);
- право территориального верховенства;
- право установления гражданства и определения правового статуса граждан;
- право осуществления централизованного руководства хозяйственной и социально-культурной деятельностью;
- право на политическое объединение с другими государствами и свободного выхода из объединений.

Достаточно изъять одно из перечисленных суверенных прав и политическая единица теряет суверенный статус, перестанет быть суверенной.

Президент России, будучи главой государства, наделяется Основным Законом страны полномочиями «по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности» (ст.80 Конституции РФ).

Правовая основа государственного суверенитета обеспечивается представительными органами государственной власти посредством разработки и принятия законов, раскрывающих сущность и направление государственного суверенитета. Согласно Конституции РФ таким органом в России является Федеральное Собрание Российской Федерации, состоящее из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы.

Если Президент России как глава государства в целях защиты государственного суверенитета осуществляет руководство внутренней и внешней политикой, то Правительство РФ в пределах своих полномочий через систему органов управления на местах организует реализацию внутренней и внешней политики государства, исполнение федеральных законов на всей территории России. Обеспечивая защиту единой экономической системы страны, Правительство РФ осуществляет управление федеральной собственностью (п. «г» ст.114 Конституции РФ), в целях обеспечения территориальной целостности и неприкосновенности осуществляет меры по обеспечению обороны страны, государственной безопасности, реализации внешней политики РФ (п. «д» ст.114 Конституции РФ).

Особая роль в обеспечении верховенства государственной власти на всей территории, а соответственно, и защиты суверенитета России отведена Конституционному Суду РФ, который разрешает дела о соответствии Конституции РФ федеральных законов и других нормативных актов органов государственной власти и управления РФ; конституций, уставов субъектов РФ, их законов и других нормативных актов, изданных по вопросам ведения органов государственной власти РФ и совместного ведения органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ, не вступивших в силу международных договоров РФ.

Особенности правового регулирования нотариальной деятельности во Владимирской губернии

Зарождение и развитие института площадных подьячих во Владимирской губернии характеризовалось номинальным контролем государства за формированием их деятельности. Площадными становились люди самых разных классов. Единственными требованиями к кандидатам были грамотность и правописание. Государство не регламентировало ни особенности их деятельности, ни профессиональные обязанности. Отношения между собой подьячие регулировали согласно сложившимся традициям и обычаям.

В XVII веке правительство начало проводить сословную политику, общей тенденцией которой стало стремление прикрепить всех людей к определенному сословию – служилому или тягловому и удержать в нем. Это направление правительственной политики нашло свое отражение в законодательстве того времени, коснувшегося и слоя площадных подьячих. Первый из известных указов, изданный Михаилом Федоровичем 7 декабря 1640 года, предписывал: «Во все приказы послать памяти, чтобы поповых и Дьяконовых детей, и гостиные и суконные сотен торговых и черных сотен посадских всяких пашенных людей, и их детей, в подьячие не принимали». Первая часть указа, запрещающая принимать в подьячие «поповых и Дьяконовых детей», противоречила установившейся практике и не нашла подтверждения в более поздних законодательных актах.

Наиболее полно социальные слои, из которых могли выходить площадные подьячие, были определены в наказах, данных в 1700 году «Белгородскому полку в города разборщиком». Согласно этим наказам, в площадные подьячие имели право вступать дети подьячих попов и церковного причта; детям же служилых и тяглых людей, равно как и им самим, это было запрещено.

Таким образом, начиная с XVII века, государство начинает, устанавливая определенные ограничения, участвовать в формировании класса площадных подьячих. Но первые попытки оказываются весьма слабы и малоэффективны, и на практике подьячими по-прежнему становились люди самых разных социальных классов. Одной из причин такого стремления в подьячие был их недостаток, который постоянно приходилось пополнять. Другой – безусловная прибыльность дела и возможность поправить свое материальное положение.

Из служилых людей особенно часто площадными подьячими становились стрельцы. Они не оставляли службу, в интересах которой иногда им приходилось временно оставлять «площадь», и продолжали получать свое «пушкарское жалование». Лица, происходившие из тяглого сословия, которым удавалось перейти в площадные подьячие, избавлялись от тягла (обязанности уплаты государству натуральных и денежных повинностей). Но, существовали и тяглые, допускавшиеся на площадь временно, на временный заработок. Последние не лишались тягла и оставались в прежнем своем состоянии по отношению к государству.

Несмотря на незначительное количество дошедших указов, характеризующих положение подьячего сословия, всё же можно сделать вывод, что вся необходимость и полезность этого сословия не позволяла ему дотянуть даже до середины социальной лестницы, хотя оно не являло собой и ее низшую ступень. Об этом свидетельствуют: указ от 17 октября 1635 года, запретивший иноземцам, подьячим и «иным всяких чинов мелким людям» приобретать дворы в Китай-городе; указ от 9 января 1654 года, предоставивший право въезжать в Кремль только некоторым старым подьячим, а остальным «меньших чинов людям» полагалось ходить в Кремль до приказов пешком.

Какими актами регулировалась деятельность подьячих на площади и их взаимоотношения между собой – неизвестно. Но можно предположить, учитывая ответственность подьячих друг за друга, существование определенных обычаев, правил поведения внутри организации и устных соглашений подьячих между собой. Из судебных же дел видно, что существовали «записные» площадные подьячие, то есть входившие, по-видимому, в площадную организацию. Акты последних имели большую доказательственную силу, чем акты не «записных» подьячих [2].

Таким образом, первые акты государства регламентировали лишь отдельные характеристики социального положения площадных подьячих, слои общества, из которых они формировались. Указы еще не были посвящены площадным подьячим целиком, как отдельному слою профессионалов-писцов. Они, как правило, вскользь касались их наряду с другими группами людей и не отражали главного – рамок их профессиональной деятельности, статуса и компетенции.

Государство еще не закрепило официально за площадными подьячими нотариальной функции, но на практике она была сосредоточена именно в их руках, как наиболее подготовленных, грамотных и опытных в написании правовых актов лиц.

Доверительные отношения и устные сделки постепенно сменяются приоритетом письменной фиксации обязанностей контрагентов. Развитию и востребованности площадных подьячих способствовало значительное увеличение в XVII веке количества сделок, для которых требовалась обязательная письменная форма. В соответствии с этим в 1635 году вышел царский указ о том, чтобы договоры, поклажи, займы и ссуды совершались письменно, в противном случае велено было: «в безкабальных и безкрепостных исках... суда не давати». То есть государство закрепило приоритет письменной формы сделки, как доказательства ее заключения. Кроме того, только на основании письменного акта стало возможным выиграть дело в суде при обращении за защитой нарушенного права.

В 1597 году указом царя Федора Ивановича вводится обязательная «справка» (регистрация) отдельных видов купчих крепостей в Холопьем приказе. Государство стало постепенно брать под свой контроль отдельные виды сделок с недвижимостью. «Справка» представляла собой свидетельский допрос с целью установления подлинности сторон и добровольности заключения ими сделки, проверки принадлежности имущества продавцу и наличия обременений и запрещений на его отчуждение [3].

Таким образом, в царских указах XVI-XVII веков стала прослеживаться тенденция к регламентации отдельных сторон внутренней деятельности площадных подьячих. Обязав соблюдать письменную форму при совершении некоторых видов сделок, государство установило и свой контроль за этим процессом – пока, правда, только за отдельными сделками с недвижимым имуществом, путем введения регистрации таких сделок в Холопьем приказе.

Лишь при Алексее Михайловиче деятельность площадных подьячих, хотя и не исчерпывающе, но была регламентирована царским Уложением, обнародованным в 1649 году. Уложение упорядочило и систематизировало действовавшие до его появления отдельные отрывочные указы. Оно обязало стороны совершать сделки только через площадных подьячих с обязательной последующей «справкой» и записью в Поместном приказе, впервые разделив тем самым функции публичного органа, совершающего сделку, и органа, ее регистрирующего. Теперь, после составления сделки площадным подьячим стороны должны были проходить процесс «справки» в Поместном приказе, заключающийся в допросе сторон, установлении подлинности и добровольности заключения акта, проверке принадлежности имущества и наличия запрещений и обременений. Фактический же переход имущества происходил лишь после записи акта в книгу приказа и приложения печати, после чего имущество считалось «справленным» и у приобретателя возникало право собственности [1].

Таким образом, акт, составленный площадными подьячими на площади, являлся лишь основанием приобретения. Фактический же переход имущества происходил позже. Государство, сделав приказы хранилищами не только документов, но и сведений о владельцах недвижимой собственности, получило контроль над мобилизацией недвижимой собственности на своей территории.

Литература

1. Злотников, М.Ф. Подьячие Ивановской площади. К истории нотариата Московской Руси / М.Ф. Злотников // Нотариальный вестник. – 1998. – № 4. – С. 52–55.
2. Шаповалова, Л.Л. Из истории Российского нотариата / Л.Л. Шаповалова // Нотариус. – 1997. – № 1(3). – С. 79–80.
3. Шаповалова, Л.Л. Институт нотариата в России: историко-правовой аспект. / Л.Л. Шаповалова. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2000. – 151 с.

Нравственное воспитание как объект правового регулирования в России в XVIII веке

Проблема духовного-нравственного развития и воспитания членов общества занимает сегодня в России одно из ведущих направлений политики государства. Ретроспективный взгляд на ситуацию поможет глубже понять сегодняшние противоречия, осознать недостатки и найти возможные пути выхода. В качестве хронологического периода обозначен XVIII век. Это время трансформации не только социально-экономических, но и духовно-культурных сфер жизни общества.

Если данную тему раскрывать с позиций не правового, а культурологического подхода, то справедливо бы было здесь, в первую очередь, обозначить имеющее хождение в эпоху Петра I сочинение неизвестного составителя «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению». В ходе изложения правил поведения молодых людей в семье, в гостях, в общественных местах и на службе им внушались такие черты, как скромность, трудолюбие, послушание, учтивость и благоразумие.

Но нас больше интересует правовое регулирование духовно-нравственных аспектов российского общества. В источниках эта тема прослеживается в период правления Елизаветы Петровны. В 1741 году начала работу комиссия (шестая по счету со времен Петра I) по составлению нового Уложения, которое было составлено в трех частях. Третья часть «О состояниях подданных» имеет несколько редакций и состоит из 25 глав. Остановимся на тех, которые имеют отношение к нашей теме. Четвертая глава была посвящена воспитанию подрастающего поколения. Пункт первый гласил: «Важнейшая и нужнейшая часть общего благополучия состоит в пристойном воспитании детей и для того должно оное почитать за первое государственное попечение, ибо оно устанавливает наше сердце, волю, склонность, нравы и обычай, истребляет всякое суеверие и приуготовляет нас к добродетели. Чрез законное воспитание преобучаемся мы к естественным законно-правилам, получаем должное усердие к своему отечеству, верность к государю, попечение о подчиненных, повиновение к вышним, любовь к ближнему и к всему человечеству, похвальную ревность отменить себя от других каким полезным делом и всем тем, чем благоустроенные народы себя от других отменяют и одним словом от воспитания единственно зависит быть полезным и вредительным отечеству» [3]. Одна из главных ролей в этом вопросе отводилась учебным и воспитательным учреждениям, которых было немало открыто при Петре и Елизавете. Это, отмечает комиссия, имело положительные результаты, поскольку «грубость по большей части истреблена, в нерадивых к общей пользе переменялось невежество в здравый рассудок, полезное знание и прилежность к службе; умножило в военном деле искусных и храбрых, в гражданских же и политических делах пособило сведущих и угодных людей к делам и одним словом благородные мысли вкоренили в сердцах всех истинных России патриотов безпредельную к нам верность, любовь и к службе верность» [3]. Но в то же время привитие таких добродетелей осуществлялось жесткими, даже жестокими мерами. За неисполнение детьми предписания «без всякаго прекословия быть им (родителям – М.Г.) послушны, не печалить их и не бить на них челом...» они подлежат наказанию согласно XXX главе II части Уложения.

В дальнейшем попытки законодательно отрегулировать нравственные аспекты развития российского общества были предприняты Екатериной II. В 1764 году ей был представлен доклад директора Академии художеств И.И. Бецкого об открытии Воспитательного дома для детей-подкидышей. Предполагалось создать учреждение государственного уровня под покровительством императрицы. Чтобы дети не попали под пагубное влияние улицы и домашней среды, следовало бы их не только учить наукам, но и с малолетства воспитывать честными, добродетельными, трудолюбивыми, чтобы они не повторяли ошибок своих родителей, и сами впоследствии могли правильно воспитывать своих детей. Предлагалось открыть такие воспитательные дома не только в Москве, но и Санкт-Петербурге и других губернских городах. Одним из условий их основания выдвигался принцип закрытости этих учреждений, чтобы, как было сказано выше, оградить воспитанников от влияния негативных сторон жизни общества [1]. Но как показала практика, эти цели не были достигнуты.

Тема нравственного воспитания и просвещения была продолжена Екатериной в Наказе, написанном ею в 1767 году для работы комиссии по сочинению Нового Уложения. Одна из глав посвящена деятельности Полиции, называемой благочинией. Забота о целомудрии нравов народа должна стать одним из направлений деятельности данного органа: «Целомудрие нравов есть вторым предлогом сохранение благочиния, и заключает в себе все нужное ко стеснению роскоши, к отвращению пьянства, к пресечению запрещенных игор, пристойное учреждение о общих банях или мыльнях и о позорищах; чтоб воздержать своеволие людей, худую жизнь ведущих, и чтоб изгнать из общества обольщающих народ под именем волшебников, прорицателей, предзнаменователей, и других подобных обманщиков» [2].

Еще одним юридическим документом, затрагивающим морально-этические вопросы, стало Уложение о губерниях 1775 года. Глава XV посвящена приказу общественного призрения. Среди социально-образовательных направлений его деятельности можно проследить нравственные аспекты. Особенно это заметно в отношении устройства смиренных домов, которые были предназначены не столько для обеспечения работой лиц, «которые непотребно и невоздержанного жития», сколько для их «правильного» воспитания: «...доброустроенный смиренный дом ограждает общество от многих продержностей, добронравие повреждающих и, следовательно, бывает нужен для общего благочестия и спокойствия семей». «В смиренный же дом не иначе принимают на время или навсегда выписанных людей, обществу стыд и позор наносящих...» [4].

В главе XVI Уложения «О дворянской опеке...» определяются требования к моральным качествам опекуна, которому «...надлежит быть кротку, человеколюбиву, почтительну, радиву и усердну к пользе малолетнего...». Опекун должен был прилагать усилия, чтобы «малолетний воспитан был в страхе божьем, в познании той веры, в которой родился, и правах добронравия, в удалении ото всех злых примеров, сердце и нрав от самого детства развращающих и повреждающих...» [4].

Но, как показывает историческая практика, не всегда благие, на первый взгляд, намерения правительства реализовывались на практике и достигали цели.

Литература

1. Доклад главного директора Академии художеств о воспитании юношества Бецкого / Полное собрание законов Российской империи. – Издание 1. Санкт-Петербург, 1830 (ПСЗ-1). – Т.16, № 12103.
2. Дополнение к Большому Наказу / Полное собрание законов Российской империи. – Издание 1. Санкт-Петербург, 1830 (ПСЗ-1). – Т. 18, № 13075.
3. Законодательные комиссии в России в XVIII ст.: историко-юридическое исследование В.Н. Латкина. Том 1.– С-Пб.: издание Л.Ф. Пантелеева, 1887.– 596 с.
4. Учреждения для управления губерний / Полное собрание законов Российской империи. – Издание 1. Санкт-Петербург, 1830 (ПСЗ-1). – Т.20, № 14392.

Городовые служилые люди: исторические параллели

С середины XVI века русское войско состояло из служилых людей по «отечеству» и служилых людей по «прибору». Основную массу служилых людей по «отечеству» составляли городовые дворяне и дети боярские, которые составляли «служилый город». Проведем сравнение социального и правового положения городских служилых людей и военнослужащих (кадровых) Вооруженных сил Российской Федерации, которые по роду деятельности наиболее подходят к первым.

Служилые люди, в свое время, являлись обособленным сословием. Они занимали особое место в социальной структуре общества. Так как они, выполняя обязанности по защите государя, к ним предъявлялись особые требования, но при этом их наделяли особыми правами и привилегиями. В отличие от них военнослужащие не выделяются в обособленную социальную группу. Хотя род их профессиональной деятельности предъявляет к ним определенные требования. Статус военнослужащего предоставляет им особые гарантии и компенсации. Задачи, выполняемые служилыми людьми и военнослужащими, схожи – это защита государства от внешних и внутренних врагов государства, иногда в лице сограждан.

Основными правовыми актами, определяющими положение и права служилого сословия, являлись Судебники 1497 и 1550 гг. Нормами права для военнослужащих являются Конституция Российской Федерации, уставы Вооруженных Сил, Федеральные законы и прочие правовые акты.

Конституцией Российской Федерации устанавливается, что «Защита отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации». Посмотрим, являлась ли военная государственная служба конституционным долгом и обязанностью служилого человека? В средневековой Руси не было писаной Конституции, основы государственного строя, организации и деятельности системы государственной органов, правовое положение человека в государстве определялись нормами конституционного обычного права. По этим нормам служилые люди являлись гражданами Руси, так как входя в корпорацию «служилого города», состоящего под одним общим государственным управлением. Основной задачей их являлась государственная, прежде всего военная, служба. Обязательным при определении на службу было то, что служилые люди произносили формулы верности («голову сложить», «служить до живота» и т. п.), при этом дополнительно целовали крест царю. Данное крестоцелование было прообразом современной военной присяги, которую принимают военнослужащие.

Число служилых людей по каждому городу с уездом зависело, в конечном счете, от земельной площади уезда, пригодной для поместной раздачи. Так в Муроме в конце 16 – начале 17 вв. версталось 35–38 служилых людей. Наибольшее их число имели такие крупные города, как Новгород, Псков и Смоленск. То есть, в прежние времена численность «служилого города» определялась общей потребностью государства в служилых людях с учетом размеров уезда.

Призыв новобранцев или, как тогда говорили, верстание новиков в службу часто происходило одновременно с общим смотром всех служилых людей по «отечеству» данного города с уездом. На этих смотрах, или «разборах», выясняли с помощью окладчиков о каждом человеке, каков он будет на службе «конен и оружен и люден» и кому «в версту». В результате верстания и смотра составлялся по городу с уездом особый список, так называемая «десятая». При выборе кандидатов правительство зорко следило за тем, чтобы в среду служилых людей не проникали люди из низших сословий. При верстании новиков в службу указывалось, чтобы не было «поповых и мужичьих детей, и холопей боярских, и слуг монастырских». Здесь речь идет не только о представителях тяглого населения (крестьянах и посадском населении), о сохранении которого правительство особенно заботилось в налоговых целях, но и вообще о всех недворянских людях. Особый принцип формирования служилой корпорации, выделивший ее в сословие имущих людей, гарантировал им отдельные права: освобождал от налогов, запрещал перевод их в холопы и т.д. Военнослужащие пользуются конституционными правами граждан Российской Федерации. Некоторые гарантии и компенсации установлены им Федеральными законами.

В зависимости от родовитости, имущественной состоятельности и служебной годности служилые делились на выборных и дворовых. Выборные дети боярские составляли привилегированную часть уездных служилых людей по «отечеству». В мирное время они служили поочередно в Москве при царском дворе под наименованием «жильцов». Они охраняли царский двор, а также выполняли различные поручения военного, административного и другого характера. В военное время жильцы входили в состав царского полка или были царскими телохранителями. Их назначали головами сотен поместного ополчения. Дворовые дети боярские занимали среднее положение между выборными и городовыми. Дети боярские по «дворовому списку» пополнялись из городских; из среды дворовых детей боярских назначались выборные. При определении службы решающим было место рода в служилой корпорации города. Действовал принцип «местничества» – чем выше место, тем значимее служба. В настоящее время определяющими при прохождении службы являются знания и усердие военнотружущего. Лояльность государству, а в прежние времена и царю, во все времена была главным условием назначения на службу.

При верстании служилым людям назначались поместный и денежный оклады, что являлось формой их содержания. Все служилые люди по «отечеству» должны были являться на службу «конны, оружны и людны», т. е. на коне, с оружием и с людьми. От размера поместного оклада зависело снаряжение служилого человека: чем выше оклад, тем тяжелее вооружение. Поместные оклады новиков колебались в среднем от 100 четвертей (150 десятин в трех полях) до 300 четвертей (450 десятин) и денежные — от 4 до 7 руб. В процессе службы поместные и денежные оклады служилых людей увеличивались. Оклады Поместного и денежного жалованья служилых дворян были различны: они колебались от 330 до 700 четвертей и от 8 до 14 руб. в год. Размеры окладов зависели, прежде всего, от чина служилого человека. Наивысшие оклады (350–700 четвертей) получали дети боярские, служившие «из выбору», (350–500 четвертей) «по дворовому списку». Единых окладов поместного и денежного жалованья для дворян не существовало. Размеры окладов различались территориально и определялись правительством. В зависимости от выполнения служебных обязанностей изменялись поместные и денежные оклады. За исправное несение службы помещику увеличивался оклад. За неисправную службу (за неявку на службу, досрочный отъезд с нее и т. п.) поместный и денежный оклады убавлялись, а при злом нарушении служебных обязанностей у служилого человека отбиралось поместье и передавалось беспоместным детям боярским. В назначенный поместный оклад служилому человеку давались поместные земли. Дачей земель государство решало вопрос снаряжения и кормления воинов. Так же оклады являлись действенными стимулами к службе.

Судопроизводство в отношении служилых людей было особенным. Судили их в Москве сам царь или назначенный им князь. Служилые люди (дворяне) обязаны были являться в суд на установленные три срока: Троицу, Семен день и Рождество. Ответчиков указывалось обвинять только в случаях их неявки в суд на третий срок, в случае отъезда истцов или ответчиков до окончания дела с них указывалось взымать издержки – «проестъ и волокиту»; истцам, не явившимся в суд, отказывали в иске. Устанавливался месячный срок приезда в суд для служилых людей по окончании похода. Кроме того, рассматривались случаи, когда дворяне, желая «правежом проволочить», ставят на правеж вместо себя своих людей. В этом случае указывалось взыскивать долги, не смотря на то, сам ли или человек стоит». Предполагалось сделать выборные суды на местах: «выбрав из дворян и земских людей по своему государеву указу».

Сравнив положение, правовые основы, особенности службы служилых людей Руси и военнотружущих Вооруженных Сил России, приходим к следующему выводу. При наличии существенной разницы между ними в социальном положении, обусловленной различной формой государства и структурой общества, особенностями устройства и обеспечения службы, обязанностью и тех, и других была и есть защита государственной власти. В этих целях государство наделяет их дополнительными правами.

Губернские и городские магистраты в России в первой четверти XVIII в. (по материалам Владимирского и Муромского уездов)

В период правления Петра I в России стали создаваться многочисленные новые административно-судебные учреждения. В их число входили и магистраты и ратуши. Магистраты и ратуши являлись органами местного городского управления, а также осуществляли судебные функции. Создание ратуш и магистратов задумывалось Петром I как средство ограничения судебного произвола воевод и ограничения их полномочий на местах вообще. Ратуши должны были быть созданы во всех российских городах, за исключением сибирских, где из-за недостатка посадских людей бурмистры не могли быть избраны. Как говорится в указе от 27 октября 1699 года: «в Сибирских некоторых городах посадских людей нет, а в которых есть и те людишки худые, скудные, ссыльные, и за тем, в бурмистры выбирать некого» [1]. На практике ратуши не были созданы не только в городах Сибири, но и во многих городах европейской части России. Например, не было создано ни одной ратуши на территориях, которые в конце XVIII в. вошли во Владимирскую губернию. В 1720 году ратуши были заменены магистратами, а для наблюдения за ними учредили в Санкт-Петербурге Главный магистрат [2]. В 1721 г. был издан Регламент Главному магистрату, где указывалось, что «во всех городах порядочный магистрат учредить..., оный добрыми уставами и ограждениями снабдить..., того смотреть чтоб было правосудие... добрую полицию учредить..., купечество и мануфактуры размножать» [3]. Через несколько лет в 1724 г. была принята Инструкция магистратам. В ней говорилось: «Президент и магистрата члены обще и каждый особо, имеет паче всего Его Императорскому Величеству и Ея Величеству государыне Императрице и высоким наследникам верные, честные и добрые люди и слуги быть, пользу и благополучие его всяким образом и по всей возможности искать и поспешествовать, убыток, вред и опасность отвращать и благовременно о том объявлять и об учреждении граждан и о произведении добрых порядков как надлежит по состоянию в достойное правление приводить с таким осмотрением, чтоб простиралась государственная польза» [4]. Как свидетельствуют архивные материалы, Владимирский магистрат состоял из: президента, двух бургомистров и четырех ратманов. При них состояли канцелярские служители: секретарь, канцелярист, два подканцеляриста, четыре копейиста, четыре сторожа, которые избирались из своей среды [5]. Сложные уголовные дела разбирались в соответствии с Регламентом Главному магистрату и Инструкцией магистратам. Если стороны не были удовлетворены решением магистрата, то дело отправлялось на рассмотрение в Главный магистрат [6]. Все города, в которых были учреждены магистраты, разделялись на пять статей или разрядов, а именно:

1) *большие города* (Санкт-Петербург, Москва, Новгород, Казань, Рига, Ревель, Архангельск, Астрахань, Ярославль, Вологда, Нижний Новгород и другие, в которых было от двух до трех тысяч дворов и выше) – в них в состав магистратов входили четыре бургомистра и президент;

2) *внутренние и средние приморские города* (Выборг, Нарва и другие, имевшие от тысячи до полутора тысяч дворов) – магистраты там состояли из трех бургомистров и президента;

3) *внутренние и малые приморские города* (имевшие от 500 до тысячи дворов) – магистраты состояли из двух бургомистров и президента;

4) *небольшие города* (около 250-ти дворов и выше) – магистраты состояли из двух бургомистров и президента;

5) *все прочие малые города и слободы.*

Должностные лица магистратов были выборными и избирались постоянно проживающими в данной местности гражданами, официально входившими в состав градского общества. Избрание происходило на мирских посадских сходах из гостей – «угодных персон», которые принадлежали к первостатейным и зажиточным обывателям и которые являлись добрыми и умными людьми, пожизненно [7]. Должности президента, бургомистров и ратманов замещались по выбору самих граждан из гостей, гостиной сотни и гостиных детей, из числа граждан первостатейных, добрых, зажиточных и притом только русских. Но если иностранные купцы пожелали записаться в число граждан и учинили бы присягу на верность, то они могли быть избраны на все эти должности. Эти лица подлежали утверждению Главного магистрата и считались состоящими на государственной

службе и получали чины [8]. Городовые магистраты являлись коллегиальными выборными органами. Их компетенция распространялась на финансовые, судебные и организационные вопросы [9]. Владимирский городской магистрат рассматривал уголовные и гражданские дела между людьми, относящимися к торговым и городским сословиям [10]. Исключение составляли «великие государственные преступления».

В сфере гражданских дел магистраты приписных территорий города Владимира являлись судами первой инстанции, подавать апелляцию на решения которых, согласно закону, разрешалось сначала в провинциальные магистраты (которых не существовало во Владимирской губернии), потом президенту Владимирского губернского магистрата, а затем – в Главный магистрат и, наконец, в Сенат. Муромский городской магистрат, представлявший собой типичный пример провинциального магистрата, состоял из четырех дворянских заседателей, двух бургомистров и четырех ратманов. Персональный состав присутствующих лиц при рассмотрении судебных дел, как свидетельствуют архивные документы, не был стабильным. Причина этого кроется, по-видимому, в болезнях, отпусках членов магистрата, и т. п. В качестве примера гражданского дела, рассмотренного в 1751 году Владимирским магистратом в полном составе, приведем дело о спорных судах и судовых снастях и припасах между крестьянином Муромского уезда села Панфилово Михаилом Прибытковым и судоходским купцом Мартыном Голубевым.

Суть дела в том, что Мартын Голубев умер, и его брат забрал все суда и снасти для торговли, тогда как эти суда и снасти находились в доленой собственности с крестьянином Прибытковым, который стал требовать часть своего имущества. Голубев ответил, что ничего не отдаст. Муромский городской магистрат вынес решение о том, что крестьянин Прибытков в ходе разбирательства дела должен доказать, что часть судов и снастей его собственность, и должен привести с собой доверительное лицо, а брату Голубева предписывалось возместить убытки, понесенные крестьянином Прибытковым, когда тот докажет право собственности на имущество. По окончании дела было велено сообщить принятое решение Земскому судоходскому суду и дворянскому правлению села Панфилово [11]. В случае тяжбы лица, подчиненного городскому магистрату с лицом посторонним суд производился коллегиально с надворными судами того же уровня. Жалобы на неправильное решение бургомистров в городах 4-й и 5-й статей подавались в городские магистраты городов высшего разряда или провинциальных, а на высшие магистраты – в Главный магистрат. В суд магистратов не имели право вмешиваться ни губернаторы, ни воеводы, ни кто-либо из посторонних властей. После смерти Петра I, в эпоху дворцовых переворотов, практически все созданные им судебные учреждения были ликвидированы. Нетронутыми оказались лишь магистраты, которые успешно просуществовали до принятия Учреждений для управления губерний 7 ноября 1775 г. Екатерина II оставила магистраты, но наполнила их форму другим содержанием.

Литература

1. ПСЗ-I. Т. III. № 1698.
2. ПСЗ-I. Т. VI. № 3320.
3. ПСЗ-I. Т. VI. № 3708. С.291–305.
4. ПСЗ-I. Т. VII. № 4624. С. 388–397.
5. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 17. Оп. 1. Д.70. Протоколы Владимирского городского магистрата. Л.1–15об.
6. ПСЗ-I. Т. VII. № 4624. С. 388–397.
7. ПСЗ-I. Т. VI. № 3708. Гл. VI, IX, XIV.
8. ПСЗ-I. Т. VI. № 3708. Гл. VI.
9. Там же. Т. VI. № 3708. Гл. VI, IX, XIV.
10. ГАВО. Ф. 17. Оп. 1. Д.30. Л.3–10, Д.70.Л.1–14, Д.72.Л.1–3; Ф. 16. Оп. 2. Д.1210.Л.1–7.
11. ПСЗ-I. Т. VI. № 3708. Гл. IX.
12. ГАВО. Ф. 22. Оп. 1 Д. 313. Л. 10–84.
13. ПСЗ-I. Т. VI. № 3708.

Совестные суды в период правления Екатерины II (по материалам Государственного архива Владимирской области)

Екатериной II в 1775 г. была проведена судебная реформа, в основу которой был положен сословный принцип построения судебных органов.

На общеимперском и местном уровнях судебная система состояла из Сената, Палат уголовного и гражданского суда, верхних земских судов, уездных судов, губернских и городских магистратов, верхних и нижних расправ. Помимо этих учреждений, непосредственно выполнявших судебные функции, были учреждены дополнительные органы суда на губернском уровне, выполнявшие свои особые задачи – совестные суды. Их создание оценивалось как главная заслуга российской императрицы. Совестный суд создан Екатериной II в соответствии с Учреждением для управления губерний 1775г. на губернском уровне, «понеже личная безопасность каждого верноподданного весьма драгоценна есть человеколюбивому монаршему сердцу, и для того, чтобы подать руку помощи страждущим иногда более несчастливому какому ни на есть приключению, либо по стечению различных обстоятельств, отягощающих судьбу его, выше меры им содеянного». Совестные суды были созданы во Владимире (1779–1852) и в Вязниках (1845–1862). Совестные суды во Владимире и в Вязниках существовали до середины XIX в. Ими рассматривались прошения, жалобы от незащищенных слоев населения (несовершеннолетних и умственно неполноценных), в том числе имущественные спорные судебные дела между родственниками [1]. Они исполняли или доводили до населения указы наместничества, вели дела по предложениям и доношениям, дела о вводе во владение именьями, о спорных землях, о причислении крестьян за помещиками, о клевете, о кражах. Дела на рассмотрение совестными судами приходили от Палат уголовного и гражданского суда [2]. Владимирский совестный суд был один на всю губернию и состоял из одного совестного судьи и шести заседателей, избираемых сословиями по два человека от каждого. Совестный судья должен был быть «способным, совестным, рассудительным, справедливым и беспорочным человеком, которого всякое судное место особо представляет наместнику (то есть генерал-губернатору или губернатору), и сей из представленных определяет одного быть судьей» [3]. Во Владимирском совестном суде заседали «по дворянским делам выбранные через 3 года дворянами той губернии 2 члена, по городским делам выбранные через 3 года той губернии городами по очереди 2 члена, по расправным делам выбранные через 3 года той губернии селениями 2 члена, люди добросовестные, законы знающие и учение имеющие» [4]. В юрисдикцию этого суда входили гражданские дела, по которым судья сначала старлся примирить стороны; если это не удавалось, то предлагал тяжущимся избрать посредников (по одному или два от каждой стороны) и вместе с ними изыскивал средства к примирению. Если стороны приходили к какому-нибудь соглашению, суд утверждал его. При этом после того, как решение совестного суда скреплялось печатью с согласия посредников, истец и ответчик теряли право апелляции в другое судебное учреждение. Если же соглашение не достигалось, то суд предлагал свое решение спора, причем при непринятии его посредниками, оно предлагалось самим противникам. Если же они после этого не мирились, то дело передавалось в обыкновенный суд [5]. Так же этим судом разрешались и уголовные дела, а именно такие преступления, которые совершены в результате несчастного случая или по стечению обстоятельств, отягощающих судьбу виновного выше меры им совершенного – то есть случаи, нуждающиеся в том, чтобы их рассматривали особенно снисходительно. Такими были признаны: дела по преступлениям, совершаемым безумными или малолетними; дела о колдовстве, «поколик в оных заключается глупость, обман и невежество»; дела по освобождению из тюрьмы по некоторым преступлениям [6].

В 1788 г. Владимирский совестный суд разрешал по прошению Волостного правления дело о краже у крестьянина Павла Захарова денег крестьянином Иваном Савельевым. В процессе производства по данному делу выяснилось, что крестьянин Павел Захаров сам украл этот сундучок у бурмистра Василия Иванова. Чтобы не быть наказанным, Захаров спрятал у себя основную часть денег и подговорил крестьянина Савельева за отдельную плату украсть у него этот сундучок, так как бурмистр уже возбудил дело в Ковровском уездном суде о краже. Оба крестьянина были

наказаны тридцатью ударами плетью, а Павла Захарова за двойное преступление сослали на работы в арестантские казармы [7]. Совестный суд должен был судить не на основании законов, а руководствоваться естественной справедливостью, должен был «обращать внимание на: человеколюбие ; почтение к особе ближнего, как к человеку; отвращение от угнетения или притеснения человечества. Поэтому, исходя из особого характера деятельности суда, было установлено что, совестный суд ни в какое дело сам не вступает [8], и «разбирательство в нем происходит по прошениям частных лиц, или по сообщению судебных мест» [9]. Всякий гражданин, который был заключен в тюрьму и не допрошен в течение трех дней, имел право подать жалобу в совестный суд, если не обвинялся в тяжком преступлении. В этом случае совестный суд обязан был потребовать привести арестованного с объяснением причин содержания под стражей и отсутствия допроса. Решение совестного суда должно быть исполнено незамедлительно. В противном случае на судебное учреждение, где содержался арестант, накладывали штраф: в размере трехсот рублей с председателя, и по сто рублей с заседателей. После того как арестованного доставляли в совестный суд, рассматривались причины ареста. В случае несоблюдения законодательства, т.е. если обвинение в тяжком преступлении не было предъявлено, то арестованного можно было освободить, передав его на поруки обществу, а дело переносилось в другой суд по выбору обвиняемого. В случае же констатации арестованным в прошении неправды и непредставления поручительства для освобождения совестному суду следовало вернуть данного просителя в тюрьму строже прежней. В случае несправедливых действий судебных чиновников совестный суд имел возможность защитить личность в определенных случаях [10]. В конце XVIII века совестные суды были уничтожены и полностью восстановлены с сохранением прежних функций в начале XIX в. Этот судебный орган сохранил за собой важное процессуальное право – передавать дела на рассмотрение непосредственно в Сенат, минуя инстанции на местах, в случае, если стороны не смогли прийти к примирению в совестном суде. Совестный суд был обязан все решения по делам дворян или малолетних передавать на ревизию в Сенат еще до приведения приговора в исполнение [11]. Совестный суд в России не «прижился» так как общество обладало низким правосознанием и правовой культурой, которому было чуждо юридическое мышление, которое существовало, например, в странах Западной Европы.

Литература

1. ГАВО. Ф. 121. Д. 550. С. 1 – 6, Ф. 122. Д. 10. С. 3 – 5.
2. ГАВО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 – 5.
3. Латкин, В.Н. Учебник истории русского права.– 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Латкин.– СПб.: Тип. Санкт-Петербургской тюрьмы, 1899.– С. 516 – 517.
4. ПСЗ I. Т. XX. № 14.392.
5. Латкин, В.Н. Учебник истории русского права.– 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Латкин.– СПб.: Тип. Санкт-Петербургской тюрьмы, 1899.– С. 514 – 515.
6. ПСЗ I. Т. XX. № 14.392.
7. ГАВО. Ф. 121, Оп. 1. Д. 7. Л. 1 – 5.
8. Латкин, В.Н. Учебник истории русского права.– 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Латкин.– СПб.: Тип. Санкт-Петербургской тюрьмы, 1899.– С. 516.
9. ПСЗ I. Т. XX. № 14.392.
10. Мигунова, Т.Л. Учреждение «Совестного суда» в России / Т.Л. Мигунова // Вестник Саратовской государственной академии права.– 2008.– № 3.– С. 228 – 233.
11. ПСЗ – I. Т. XXXVIII. № 20.519; . Т. XXIX. № 22. 144.

Институт российской адвокатуры и его реформирование в 1864 г.

Судебная реформа 1864 г. стала одним из начальных этапов формирования системы присяжных поверенных в России как корпоративной организации

Для подготовки судебной реформы в 1861 г. была образована комиссия, результатом работы которой стали Основные положения преобразования судебной части в России, утвержденные 29 сентября 1862 г. императором Александром II.

В них были зафиксированы следующие принципиальные изменения: отделение суда от администрации; выборный мировой суд; присяжные заседатели в окружном суде; адвокатура; принцип состязательности.

Такое начало Основных положений, как образование судебной части в России, легло в основу закона от 20 ноября 1864 г. "Учреждение Судебных установлений". Этим Законом в России была создана адвокатура – институт присяжных поверенных.

Институт присяжных поверенных создавался в качестве особой корпорации, состоявшей при судебных палатах, но входящий в состав суда, хотя и под контролем судебной власти. В законе были определены предъявляемые к присяжным поверенным требования, то есть кандидаты должны иметь высшее юридическое образование и пятилетний стаж работы по юридической специальности. Но наряду с этим были введены и ограничения.

Для лиц нехристианских вероисповеданий (так называемых иноверцев) поступление в адвокатуру было ограничено рядом дополнительных условий. Приняты они могли быть только с разрешения Министерства юстиции.

Можно отметить, что и в дальнейшем царское правительство также накладывало дополнительные ограничения на адвокатскую деятельность. Например 3 марта 1890 года был принят закон, ограничивающий допуск в адвокатуру евреев. Однако принятие данного закона было тем редким случаем, когда присяжные поверенные не выступили с коллективным протестом против введенного сверху ограничения их полномочий.

Состав присяжных поверенных контролировался Судебной палатой округа. При ней создавался Совет присяжных поверенных, деятельность которого также была поднадзорна Судебной палате.

Из положений Судебных установлений следует, что присяжные поверенные не были государственными служащими. Поэтому на них не распространялось чиновничество, и они, соответственно, не имели права на служебные знаки отличия. В связи с этим присяжные поверенные могли заключать письменные условия о гонораре за ведение дела по соглашению сторон. Основным критерием при определении размера гонорара служила цена иска.

Законодательные новшества обязали присяжных поверенных к ведению списка дел, порученных им, и представления его в совет поверенных по первому требованию.

Необходимо отметить и тот факт, что Судебная реформа 1864 года не уделила должного внимания вопросу о помощниках присяжных поверенных. В Судебных установлениях лишь упоминалось, что с учреждением сословия присяжных поверенных у них могут быть помощники (по практическим занятиям).

Однако после осуществления судебной реформы и введения в действие Судебных установлений обнаружился численный недостаток присяжных поверенных. Вследствие этого образовалась своеобразная неупорядоченная законом частная адвокатура в лице всевозможных ходатаев по делам – как правило, гражданским. Возникла необходимость в ее законодательной регламентации. В связи с этим в 1874 году был издан закон, учредивший, наряду с присяжной адвокатурой, институт частных поверенных.

Для того чтобы стать частным поверенным и приобрести право на участие в производстве гражданских дел, как в мировых, так и в общих судебных установлениях, требовалось получить особое свидетельство. Оно выдавалось судами в округе, где частный поверенный осуществлял ходатайства по делам.

Этими же судами накладывались и дисциплинарные наказания. Подробно правовое положение частных поверенных было регламентировано значительно позже.

После проведения Судебной реформы 1864 года российская адвокатура приобрела более упорядоченный и систематизированный вид.

Новые формы взаимодействия государственных и общественных институтов защиты прав человека

Деятельность государственных и негосударственных институтов защиты прав человека взаимосвязаны друг с другом нацеленностью на достижение единого результата – обеспечения прав человека в России. Вместе с тем, основываясь на изучении правозащитной практики, приходится говорить пока только о тенденции к взаимодействию, поиске направлений сотрудничества, но не об устойчивых формах этого сотрудничества, в том числе и в сфере деятельности омбудсмена.

Опыт показывает, что не только федеральный, но и региональные уполномоченные по правам человека довольно активны в поиске путей взаимодействия с институтами гражданского общества. Большинство из них обращаются к ученым, практикам, специалистам в решении конкретных дел, создают экспертные и экспертно-консультативные советы, которые не только способствуют их качественной работе по защите прав человека, но и помогают определить те сферы общественной жизни, где права человека могут быть нарушены неправовыми решениями власти, либо непродуманной, научно и социально необоснованной государственной политикой.

В то же время, по признанию самих уполномоченных, они не всегда целиком владеют ситуацией с состоянием прав человека в своем регионе, не могут оказать действенную помощь всем обратившимся. Причина – в недостаточности ресурсов. Не решают эту проблему и поездки по территории субъекта Федерации.

В работе УПЧ в регионах есть еще один аспект, который требует большого внимания, времени, ресурсов, но не вполне выражает суть рассматриваемого института. Деятельность уполномоченного и его аппарата нередко превращается в бесплатную юридическую консультацию, включая и услуги по представительству в судах.

Представляется, что институт уполномоченного по правам человека в субъектах РФ может способствовать разрешению названных проблем: разгрузить УПЧ от «текучки»; обеспечить нуждающихся юридическими услугами; содействовать формированию навыков и правозащитного опыта у молодых юристов, предоставляя им базу практики в процессе учебы. Статус и авторитет уполномоченного по правам человека позволяет ему выступить в качестве социального модератора. Попытаемся изложить технологию названной деятельности.

Вначале задача УПЧ будет заключаться не только в том, чтобы озвучить проблему, но и определить интересы всех участников. С этой целью можно написать письма, провести «круглый стол» либо личные встречи с руководителями вузов, факультетов, главами муниципальных образований, преподавателями, студентами. Юридически эта часть работы должна вылиться в заключение договора о сотрудничестве Уполномоченного по правам человека с вузом, факультетом. В таком договоре, наряду с другими формами взаимодействия, включая консультационную и экспертную, должно быть и предоставление базы практики. Это очень важно, поскольку сейчас Государственный образовательный стандарт не закрепляет за учебным заведением обязательства по поиску места, где студенты осваивают практические навыки будущей профессии. Поэтому вузы занимаются этим лишь отчасти, а студенты предоставлены сами себе.

Практика при уполномоченном должна быть основана на предоставлении студентам возможности самостоятельной работы с клиентами под руководством специалиста. Руководителем практики может быть либо преподаватель вуза, которому она засчитывается в качестве нагрузки, либо квалифицированный юрист из юридического отдела уполномоченного (с дополнительной оплатой со стороны вуза на почасовой основе), либо юрист в муниципальном образовании. Все это можно оговорить, а также определить содержание практики, в которой сочетались бы интересы УПЧ, вуза, студентов и иных участников. Обычно практика увязывается с целями структуры, в которой она осуществляется. Можно договориться с вузом о времени практики: не всё сразу за 1 – 2 месяца, а в течение учебного (или календарного) года.

Организационно эти вопросы можно решить по-разному. Наиболее продуктивной представляется такая схема. В аппарате уполномоченного назначается куратор, который обеспечивает деятельность общественной приемной как по месту нахождения уполномоченного, так и в муниципальных образованиях, где проживают студенты. На всех уровнях власти предусмотрен прием граждан чиновниками, в котором студенты-юристы могут участвовать и при необходимости оказывать правовую помощь. Таким образом, на местах куратор должен контактировать с соответствующим муниципальным чиновником, который может быть руководителем практики данного студента (студентов). Чтобы не было противодействия со стороны муниципальных чиновников, необходима договоренность (лучше письменная) с главами муниципальных образований о содействии деятельности уполномоченного на территории данного муниципального образования.

Студенту, проходящему практику при УПЧ, должен быть предоставлен пакет документов, включающий направление на практику, задание по практике, форму отчета и др. Содержание практики может включать работу с жалобами граждан; их систематизацию по рубрикам, по достигнутым результатам; оказание юридической помощи по конкретному вопросу под руководством специалиста, включая помощь при составлении юридических документов и представительство в суде; проведение правовой просветительской работы (например, чтение лекций в школах); информирование о деятельности УПЧ и т. д. В зависимости от необходимости, студентам можно будет поручать и иную работу (обработка писем и ответы на них – например, консультирование лиц, находящихся в местах лишения свободы, по вопросам их прав и законных интересов).

Студенты ведут дневник практики. Эти данные могут быть использованы при составлении отчетов уполномоченного. Кроме того, студенты могут использовать материалы при написании курсовых и дипломных работ, в научных исследованиях. Таким образом, будет происходить оценка и научное осмысление положения с правами человека в том или ином месте, транслирование и популяризация опыта и деятельности уполномоченного, что также немаловажно для развития данного института, написания его истории, укрепления авторитета.

Право на жизнь в контексте мировых религий

Анализ отечественной и зарубежной литературы показал, что в рамках различных ценностно-мировоззренческих ориентаций существует два подхода к регулированию права на жизнь: абсолютистский и либеральный. Рассмотрим оба подхода.

Абсолютистский подход основывается на моральных ценностях религиозной культуры и современных естественно-научных данных. Либеральный подход основан на признании абсолютной ценности человеческой жизни, но вместе с тем, в исключительных жизненных ситуациях, допускается искусственное прерывание беременности по медицинским или социальным показаниям. Абсолютистской позиции придерживаются католики, буддисты. Либеральная позиция характерна для православных, протестантов, иудеев, мусульман.

Так, католическая церковь руководствуется тезисом Ватикана, согласно которому жизнь, начинающаяся с оплодотворения яйцеклетки, – это жизнь нового человеческого существа. Оно никогда не могло бы стать человеком, если бы уже им не было. Другим аргументом католиков является тезис о том, что человеческое тело не имеет обезличенного характера, а представляет собой единство со своим индивидуальным «Я» («у меня есть тело, но и «я есть мое тело», потому что тело и дух образуют одну субстанцию, своего рода единое целое). Следующий тезис сформулирован из осознания значимости человеческого тела: физическая жизнь – основополагающая ценность по сравнению с другими, пусть даже и весьма значимыми ценностями (свобода, солидарность и т.д.). Все они возможны только при физическом существовании человека. Позиция католической церкви подкреплена официальными документами. Важнейшим из них является Энциклика Папы римского Павла VI «*Humanae vitae*» (1970 г.). [1]

Буддийское обоснование исходит из положения, согласно которому зародыш священен и несет весь потенциал человеческого существа.[2]

Православная церковь признает, что эмбрион обладает человеческим достоинством на любой стадии развития, включая бластоцидную. Псалтирь Царя и пророка Давида – одна из книг Ветхого Завета – говорит о каждом человеке как о создании Божиим, лично известном Богу еще в материнской утробе.[3] В книгах пророка Исаии и Иеремии Ветхого Завета читаем, что они еще до зачатия призваны Богом и поставлены на пророческое служение среди иудеев и язычников [4]. Та же тема звучит в Новом Завете у апостола Павла в Послании к Галатам .[5] Общая мысль всех приведенных текстов состоит в том, что внутриутробная жизнь с самого зачатия есть бытие человеческого индивида. Это значит, что всё определяемое нами как «внутриутробная жизнь», в глазах Божиих есть жизнь глубоко «личностная» [6], которая не может быть прервана по воле другого человеческого существа. Верность библейскому и святоотеческому учению о святости и бесценности человеческой жизни от самих ее истоков несовместима с признанием «свободы выбора» женщины в распоряжении судьбой плода.[7] Вместе с тем рассмотрение представителями православной церкви вопроса об аборте представляется морально приемлемым в ситуациях, когда развитие плода угрожает материнской жизни. Как отмечается в Основах социальной концепции русской православной церкви, в тех случаях, когда необходим выбор между жизнью матери и жизнью плода, православная этика ориентирует мать на самопожертвование как высшее проявление любви к ближнему (в частности, к своему ребенку). Тем не менее в случаях, когда существует прямая угроза жизни матери, особенно при наличии у нее других детей, в пастырской практике рекомендуется проявлять снисхождение.[7]

Протестантская этика признает, что человеческая жизнь на предродовой стадии – величайший дар Божий. Однако следует во всех случаях уважать мнение матери или, если это возможно, супругов и принимать решение, касающееся искусственного прерывания беременности, в контексте падшего мира.[8] Протестантизм, как и православие, признает наличие определенных жизненных обстоятельств, при которых искусственный аборт допустим.

Иудаизм рассматривает искусственное прерывание беременности как противоестественное и утверждает, что аборт и нежелание иметь детей противоречит самой истории и предназначению еврейского народа. В то же время, если беременность угрожает физическому здоровью матери, это обстоятельство должно быть принято во внимание.[2]

В этике ислама отношение к праву на жизнь определяется через моральный и правовой статус эмбриона. В аяте 228 второй суры Корана написано, что разведенная женщина не может снова выйти замуж раньше, чем через 90 дней, что позволяет избежать сомнений относительно отцовства. Овдовевшей женщине следует по той же причине ждать 130 дней (4 месяца и 10 дней), прежде чем она снова решит выходить замуж. Следовательно, устанавливая сроки от 90 до 130-ти дней, Коран косвенным образом определяет период, в течение которого зародыш приобретает статус человеческой личности. Исходя из этих положений и основываясь на предании о пророке Мухаммеде, согласно которому Аллах вдохнул «аль рух», то есть душу, в зародыш, возраст которого достиг трех месяцев и одной недели, можно сделать вывод, что о зародыше как о человеческой личности можно реально говорить с первой недели четвертого месяца, то есть на сотый день беременности.[1]

Таким образом, в рамках религиозной этики сложились разные точки зрения, но все их объединяет отношение к праву на жизнь как абсолютной ценности и отрицательное отношение к аборт. Католики и буддисты занимают крайнюю позицию, не признавая никаких исключений, никаких смягчающих вину обстоятельств: жизнь – абсолютная ценность, аборт недопустим, даже если беременность и роды опасны для жизни матери, так как жизнь начинается с оплодотворенной яйцеклетки и должна защищаться абсолютным образом. Представители православной, протестантской, иудейской и мусульманской религии также придерживаются мнения, что жизнь – абсолютная ценность, но допускают наличие исключительных случаев, при которых операция по искусственному прерыванию беременности возможна. Примечательно, что позиция представителей религиозной этики подкреплена современными естественнонаучными данными.

Литература

1. Антипова, Н.Д. Этические коллизии вокруг проблемы аборта в рамках различных ценностно-мировоззренческих ориентаций / Н.Д. Антипова // Вест. Моск. Ун.-та. Сер. 7. Философия. – 2005. – № 1. – С. 107 – 108.
2. Религиозная мораль и биоэтика // Медицинская газета. – 1999. – 13 янв. – С. 11.
3. Псалтирь с параллельным переводом на русский язык. – М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2003. – С. 467 – 469.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. – 1994. – С. 728.
5. Новый Завет. М.: Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. 1993. – 265 с.
6. Брек, И. Священный дар жизни. / И. Брек. М.: Паломник, 2004. – С. 207.
7. Основы социальной концепции русской православной церкви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.orthodox.org.ru/sd12r.htm>
8. Введение в биоэтику: Учеб. пособие. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – С. 216.

Структура органов городского общественного управления во второй половине XIX в.

Городская реформа Александра II и городская контрреформа Александра III стали одним из самых заметных явлений российской общественной жизни второй половины XIX в. Закрепленные в Городовых положениях 1870 и 1892 гг., они предопределили характер городского самоуправления рассматриваемого периода.

«Городовое Положение», вступившее в силу в 1870 г., предусматривало создание системы городского самоуправления, включающего следующие институты: городское избирательное собрание (для избрания гласных через каждые четыре года), Городская Дума, Городская Управа и городской голова. Избранными в гласные считались лица, за которых проголосовало более половины населения. Избирательным правом обладали лица, достигшие 25 лет, владевшие недвижимостью, подлежащей обложению городским оценочным сбором, либо уплачивающие в пользу города сбор со свидетельств (купеческого, промыслового, на мелочный торг, приказничьего 1-го разряда или с билета на содержание промышленных заведений).

Работа по введению Положения 1870 г. в Нижнем Новгороде началась с июля 1870 г. Анализ архивных документов показывает, что в Нижнем Новгороде особенно высокой избирательной активностью отличалось купечество, и, в отличие от других городов Средневолжского региона, на протяжении ста лет должность городского головы не занимали военные чины, неслужилое дворянство, интеллигенция.

Рассмотрим особенности новых органов городского общественного управления.

Дума – представительный орган, основными функциями которого были: утверждение годового бюджета, определение суммы сборов, такс, распоряжение городским имуществом, осуществление займов, прием пожертвований, возбуждение ходатайств от имени города, производство выборов на должности, определение размеров содержания должностным лицам (после 1892 г.). Дума формировалась из городского головы (председателя), гласных, а также из председателя уездной земской управы и представителя духовного ведомства. Городская Дума избиралась на городских собраниях через каждые четыре года на основе бессловесных выборов на основе имущественного ценза.

Городскому Голове предоставлялось право приостанавливать исполнение думских определений в случае признания их незаконными. В отличие от земских собраний городские Думы имели право собираться в течение всего года по мере накопления дел. Для законности заседания необходимо было присутствие не менее четвертой части гласных в городах, где их число не превышало 40 человек, а в других – не менее одной трети (в то время как в Европе – не менее половины). Для действительности решения Думы требовалось абсолютное большинство голосов присутствующих гласных, а по особо важным вопросам – не менее 2/3 [1]. Характерной чертой того времени была низкая явка.

Для осуществления полномочий в отдельных отраслях управления Дума была вправе назначать особых лиц, а в крайних случаях – особые исполнительные комиссии, члены которых должны были принадлежать к числу гласных или, по крайней мере, к числу городских избирателей. Исполнительная комиссия действовала на основании специальных думских инструкций [2]. Так, городская Дума 1913 – 1916 гг. включала 80 гласных, образовавших 17 постоянных и 10 временных комиссий (следует отметить, что кворум думских заседаний упал к тому времени и составлял 35 членов)[3].

Управа – исполнительный орган, все члены которого избирались Думой. В обязанности Управы входило: сбор и расходование 159 городских налогов и сборов, разработка проектов городских смет, наем и увольнение городских служащих, непосредственное руководство городским хозяйством и т. д. Управа была в своих делах подотчетна Думе, без санкции которой не могла расходовать денежные средства. В случае чрезвычайной ситуации Городской Голова обладал правом «единого распоряжения» с последующим уведомлением об этом членов Управы.

Согласно Положению 1870 г., городской голова выбирался Думой, которая не имела полномочий предать его суду, а могла лишь просить об этом высшее правительство. Окончательное же решение принимал Первый Департамент Сената.

Кандидатуры на должность городского головы и лиц, его замещающих, утверждались губернским правлением. Следует отметить, что случаев неутверждения в Нижнем Новгороде (да и в других городах) до конца 1870-х гг. не было. Несколько отказов утвердить выбранных в 1880-е гг. были обжалованы органами общественного управления в Сенат. Интересно, что в подобных случаях Сенат оказывался на стороне последних.

По мере развития городского общественного управления становилось всё более очевидным, что возникла серьезная угроза политическому господству дворянства. Молодая российская буржуазия активно вытесняла его из городских учреждений. Назревала вслед за земской контрреформой и контрреформа городского самоуправления, которая должна была притормозить эти процессы. В 1892 г. в соответствии с «Городовым Положением» от 11 июня 1892 г. она была проведена. Установленная в 1870 г. трехклассная система была заменена одним избирательным собранием всех городских избирателей, в задачу которого входило избрание гласных. В случае большого числа избирателей это собрание могло быть подразделено на несколько участков. Сокращен был круг избирателей, так как повысился имущественный ценз: избирательное право получали те домовладельцы, которые платили сбор с имущества, стоимостью в крупных губернских городах (в том числе и Нижнем Новгороде) – не ниже 1500 руб., в остальных – не ниже 1000. Из владельцев торгово-промышленных предприятий избирательное право сохранялось у лиц, имеющих свидетельства 1-й и 2-й гильдии [1]. Содержание промышленного предприятия в течение не менее одного года также давало право участия в выборах. Лица, не обладавшие полным цензом, вообще отстранялись от выборов. В случае избрания менее 2/3 положенного числа гласных министр внутренних дел дополнял требуемое количество из числа прежних гласных.

«Положение» 1892 г. определило, что собрания Думы созываются не менее 4-х и не более 24-х раз в год, причем график работы необходимо было готовить заранее в декабре на весь следующий год [1]. Число гласных было уменьшено, они были лишены права требовать созыва внеочередного собрания. Резко менялось правовое положение должностных лиц городского управления. Голова, члены Управы и городской секретарь по новому «Положению» становились государственными служащими и подлежали утверждению. Более того, Положение 1892 г. дало губернской администрации право не утверждать Городских Голов безо всякого основания и узаконивало практику назначения, существовавшую до этого лишь в Петербурге и в Москве.

Управа попала в непосредственную зависимость от губернских властей: ее члены могли быть призваны администрацией к дисциплинарной ответственности, Дума лишена права отправлять под суд членов Управы (однако при новых выборах Дума могла забаллотировать негодную ей Управу, что часто и случалось).

Всё городское управление было поставлено под строгий надзор администрации: губернатор мог приостановить любые решения Думы, требовали его утверждения почти все ее постановления. Следует отметить, что в Положении вообще опущено слово «самостоятельно» действовать. Таким образом, контрреформа превратила городскую Управу в коллегия выборных чиновников, подчиненных губернской власти, Думу – в совет при Управе, а городское самоуправление – в полуобщественное, полубюрократическое учреждение.

Литература

1. Городовое Положение от 11 июня 1892 г. // ПСЗРИ. Т. XII. № 8708. Ст. 35, 64, 70, 71.
2. Городовое Положение от 16 июня 1870 // ПСЗ, Собрание второе. Т. XLV, отделение первое, № 48498. Ст. 103, 104.
3. Справочная книга по Нижегородскому городскому общественному управлению / под ред. И. Шуоина. – Нижний Новгород: Тип. губернского правления, 1915. – С. 8.

Проблема трансформации городских сословий в России во второй половине XIX в.

Под сословиями следует понимать общественные группы, обладающие закрепленными в обычае или праве и передаваемыми по наследству правами и обязанностями. В России процесс формирования в общегосударственном масштабе начался в XVI в. Расцвет сословного строя приходится на XVIII век. Однако следует отметить, что наследственность, как признак сословий, в России никогда в полной мере не соблюдался. XIX век можно назвать периодом разложения сословного общества. Сословное деление российского общества во второй половине XIX в. было преобладающим. Это было характерно для феодальных отношений. Однако эпоха «великих реформ» отразилась и в социальных изменениях. Благодаря реформам 1860-х гг. сословия стали постепенно утрачивать свои специфические привилегии, сближаться друг с другом в правовом положении и постепенно трансформироваться в классы и профессиональные группы.

Городское сословие постепенно утратило признаки сословности. Поскольку с середины 1820-х гг. любой человек был вправе заниматься торговой деятельностью, утрата монополии на торгово-промышленные занятия вела, в конечном счете, к превращению сословия городских обывателей в классы предпринимателей и рабочих. Городовое положение превратило сословное городское самоуправление во всесословное. С отменой подушной подати и круговой поруки у мещан прекратила существование городская община. Можно сказать, что с отменой сословного самоуправления, монополии на профессию, заменой сословного суда всесословным городское сословие в действительности прекратило свое существование, однако формально продолжало именоваться сословием.

Пореформенное развитие России отражалось в значительных социальных изменениях. Они проявлялись в росте населения страны, изменении соотношения доли городского и сельского населения, постепенном стирании сословных различий и формировании новых социальных групп, в том числе профессиональных отрядов российского пролетариата и групп отечественной буржуазии. К концу XIX в. в России рабочие составляли существенную часть городского населения, образовавшуюся в основном из крестьян и разорившихся мещан.

Данные Нижегородской губернии свидетельствуют о постепенном преодолении сословных перегородок. В изменении социальных отношений особенно важно проследить реальное соотношение между сословной принадлежностью и социальным положением. Следует отметить, что в начале XX в. в России продолжал действовать Свод законов Российской империи, определяющий положение сословий. Согласно закону существовали четыре основных сословия: дворянство, духовенство, городское население и сельское население. Однако, в связи с переходом к капиталистическим отношениям, социальное деление общества стало изменяться. По-прежнему основу социальной структуры формально составляли сословия, однако на практике параллельно с существующими сословиями происходило формирование элементов классового общества – буржуазии, пролетариата и интеллигенции.

Сословная принадлежность и реальное социально-экономическое положение человека всё более не совпадали. Потомственные рабочие нижегородских предприятий, представители купечества даже в начале XX века числились в составе сельского крестьянского сословия.

Появление новых социальных групп привело к возникновению новых направлений, к трансформации правительственной сословной политики. Рабочие не рассматривались властью как отдельное сословие, но в отношении них было разработано и принято большое количество нормативно-правовых актов, создано рабочее законодательство.

К 1917 г. все существовавшие в России сословия утратили свои специфические сословные права и превратились в классы. Однако этого было недостаточно для трансформации сословной структуры общества в классовую. Настоящая классовая структура общества формируется в ходе так называемой профессионализации, под которой понимается консолидация представителей отдельных профессий в профессиональные организации с целью коллективного отстаивания

своего общественного статуса и контроля за той сферой рынка, где данная профессиональная группа осуществляет свои функции. Превращению сословий в классы способствовал также высокий уровень межсословной мобильности. Примечательно, что социальные традиции оказались весьма живучими и служили препятствием для полной трансформации сословий в классы. Сословная парадигма, упраздненная юридически, не была окончательно ликвидирована фактически и психологически, хотя и в общественной практике, и в массовом сознании она безусловно в течение второй половины XIX – начале XX в. потеряла свое прежнее значение. Существование сословий с различными, а иногда и враждебными субкультурами, с огромной имущественной дифференциацией между ними и внутри себя затрудняло формирование не только среднего класса и гражданского общества, но также и единой российской нации, объединенной единой культурой, единой системой ценностей, единым законом.

Виртуальное пространство как объект контрольной деятельности государства

В современных условиях глобальной информатизации и построения информационного общества широкое применение во всех сферах жизнедеятельности получили информационные и телекоммуникационные технологии. Их повсеместное и многоцелевое использование порождает возникновение виртуального пространства, ставшего в настоящее время не только основным способом коммуникации, методом ведения бизнес-операций, средством самовыражения, но и новой сферой действия права.

Для обозначения сферы общественных отношений, возникающих в связи с использованием различных электронных устройств, в современной науке используется ряд терминов: «киберпространство», «сетевое пространство», «среда Интернет», «виртуальное пространство» и др. Последний термин – «виртуальное пространство» – наиболее приемлем для нормативного закрепления и употребления в научном обиходе.

Виртуальное пространство, обладая такими характеристиками, как глобальность, отсутствие национальных границ, интерактивность, анонимность, с одной стороны предоставляет личности беспрецедентные возможности для реализации прав и свобод, а с другой – широко используется для совершения различного рода правонарушений. Так, в последнее время резко возросло количество совершаемого в виртуальном пространстве мошенничества, вымогательства, распространения порнографических, пронаркотических и экстремистских материалов, клеветы, оскорблений и других подобных нарушений.

В связи с этим не вызывает сомнений тот факт, что для обеспечения реализации и охраны частных и публичных интересов личности, общества и государства виртуальное пространство остро нуждается в правовом воздействии. Виртуальное пространство должно находиться под контролем государства, а основы и пределы такого контроля должны быть закреплены на законодательном уровне. Однако соответствующие аспекты контрольной деятельности государства, изменяющейся под воздействием информационных технологий, сегодня недостаточно ощутимы и, как следствие, мало изучены в силу их относительной новизны и инерционности системы права.

Проведя анализ виртуального пространства как объекта контрольной деятельности государства, можно сделать следующие выводы.

Виртуальное пространство в качестве объекта правового воздействия необходимо понимать как область технических, технологических и социальных отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в процессе использования компьютерной или иной электронной технической сети по поводу информации, информационных ресурсов, информационных услуг и средств связи.

Деятельность государства по контролю виртуального пространства можно определить как юридическую деятельность по обеспечению эффективного функционирования государства и общества в информационной сфере посредством систематической проверки законности действий и решений субъектов информационных общественных отношений, осуществляемую государственными органами с использованием информационных технологий, направленную на предупреждение, выявление и пресечение информационных нарушений, принятия предусмотренных законодательством РФ мер ответственности и (или) устранения последствий выявленных нарушений.

Деятельность государства по контролю виртуального пространства можно рассматривать как сложную систему, включающую в себя цели, принципы, субъекты, формы и методы контроля, в совокупности составляющие механизм ее реализации.

Субъектами государственного контроля виртуального пространства выступают контрольные органы общей компетенции: Президент РФ, Прокуратура РФ, Федеральное Собрание РФ, Конституционный Суд РФ, арбитражные суды РФ и др., а также уполномоченные органы исполнительной власти специальной компетенции – Министерство связи и массовых коммуникаций РФ и подведомственные ему Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых

коммуникаций, Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям и Федеральное агентство связи. Информационные отношения контролируют также Федеральная служба безопасности РФ, Правительственная комиссия по федеральной связи и информационным технологиям, Министерство внутренних дел (в частности, его Управление «К»), Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков, Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам РФ, Федеральная налоговая служба, Центральная избирательная комиссия РФ и другие органы власти.

В механизм деятельности государства по контролю виртуального пространства в качестве неотъемлемого элемента входят формы ее реализации – правовые и организационные.

Правовая форма выражается в соответствующей правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Правовое регулирование виртуального пространства должно осуществляться в следующих основных направлениях: определение юрисдикции отношений в виртуальном пространстве; определение правового статуса электронного документа и электронного документооборота; установлении или усилении ответственности за правонарушения в информационной сфере (например, ужесточении уголовной ответственности за распространение порнографической или экстремистской информации, в том числе через Интернет); обеспечение информационной безопасности; изменение механизма ответственности провайдеров связи и сотовых операторов; поддержание информационной экологии и др.

Организационная форма контрольной деятельности государства в виртуальном пространстве выражается в создании и (или) наделении уполномоченных государственных органов специальной компетенцией в сфере предупреждения, выявления, пресечения и расследования правонарушений в виртуальном пространстве; контроле за содержанием электронных средств массовой информации; координации деятельности правоохранительных органов и субъектов гражданского общества; совершенствовании механизмов подготовки специалистов в области информационной безопасности; использовании для контроля новейших более эффективных технологий и т. п.

Анализ основных направлений контроля виртуального пространства показал, что в России контроль виртуального пространства осуществляется в основном с точки зрения соответствия технических и программных средств и устройств различным регистрационным и лицензионным требованиям и условиям, сертификатам, декларациям и пр. Вместе с тем, в настоящее время, в связи с массовым совершением в виртуальном пространстве различного рода правонарушений, остро назрела необходимость осуществлять также содержательный контроль деятельности в виртуальном пространстве, то есть контроль текстов сообщений, материалов и данных, передаваемых по сети.

В связи с этим можно внести следующие предложения по совершенствованию правового регулирования виртуального пространства и повышению эффективности контрольной деятельности в данной сфере:

- ужесточить ответственность за распространение порнографической, пронаркотической и экстремистской информации в Интернете, в том числе через сайты социальных сетей и электронных средств массовой информации;
- внести в уголовное законодательство изменения, согласно которым провайдеры интернет-связи и сотовые операторы привлекаются к субсидиарной ответственности за правонарушения, совершенные их клиентами в виртуальном пространстве;
- разработать и внедрить эффективные механизмы идентификации субъектов интернет-отношений, позволяющие определять реальных пользователей виртуального пространства;
- принять федеральный закон «Об электронном документе»;
- ввести обязательную контентную фильтрацию сайтов сети Интернет в учреждениях системы образования;
- ратифицировать Европейскую конвенцию о преступности в сфере компьютерной информации и внести соответствующие составы преступлений в Уголовный кодекс РФ;
- улучшить координацию правоохранительных органов и субъектов гражданского общества в области контроля виртуального пространства и др.

Правовая природа и значение контрольной деятельности государства

Контрольная деятельность государства требует особого изучения и анализа ввиду ряда причин: существование в России ряда государственных органов, не входящих ни в одну из ветвей власти (Президент РФ, Прокуратура РФ, Счетная палата РФ и др.); важность и необходимость контрольно-надзорной деятельности для стабильного существования и развития каждого государства; контрольная деятельность служит средством обеспечения реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина и др.

Состояние законности и правопорядка в современной России диктуют необходимость не только сохранения в полном объеме контрольно-надзорной деятельности государственных органов исполнительной власти, но и придание ей большей динамичности и эффективности. Однако это означает не ужесточение контроля и надзора как мелочной опеки за поведением государственных и негосударственных структур и граждан, а развитие аналитической, сигнализирующей и профилактической функций контрольно-надзорной деятельности, ее последовательность, бескомпромиссность, «прозрачность» для общества [1].

Под государственным контролем в современной науке принято понимать проверку соответствия результатов заданным параметрам, то есть соблюдения законов и других правовых актов, издаваемых органами государства [4].

Ф.Н. Фаткуллин, обосновывая самостоятельность функции государственного контроля, справедливо отмечает, что «любое государство, оказывая воздействие на общественные отношения, не может не следить за тем, как претворяется в жизнь вырабатываемая им политика, принимаемые целевые программы, законы и подзаконные акты. Оно должно осуществлять контрольную функцию, суть которой состоит в целенаправленном наблюдении за процессами правореализации, проверке фактического состояния выполнения тех или иных государственных установок всеми участниками регулируемых отношений» [5].

Д.В. Пожарский утверждает: «В условиях российской действительности, исходя из важности решаемых задач, наличия организационных и правовых основ, а также предметной направленности, государственный контроль и надзор представляет собой самостоятельную, основную функцию государства. Применительно к функциям государства, традиционно рассматриваемый в качестве одной из форм их осуществления, государственный контроль и надзор сегодня наполнен гораздо большим и более сложным политико-правовым содержанием, существенно изменилась его роль в государственном управлении» [2].

Д.В. Пожарский считает, что контрольно-надзорная функция представляет собой направление деятельности государства по установлению фактического выполнения социальных норм (прежде всего, правовых) и сдерживанию выявленных отклонений [3].

А.Б. Яблонская предлагает понимать контрольно-надзорную функцию как направление деятельности государственных органов по проверке законности и эффективности действий и решений субъектов правоотношений [6].

В современной науке также высказывается предложение рассматривать контрольную власть в качестве самостоятельной ветви власти.

Сущность контроля заключается в том, что уполномоченные на то органы и их должностные лица, используя организационно-правовые способы и средства, выясняют, соответствует ли деятельность органов и лиц законам и поставленным перед ними задачам; анализируют результаты воздействия субъектов управления на управляемые объекты, отклонения от поставленных целей и способов их достижения; принимают меры по их предотвращению и привлечению виновных к ответственности.

Контроль характеризуется определенными признаками. Во-первых, между контролирующим органом (должностным лицом) и подконтрольным объектом в большинстве случаев существуют отношения подчиненности или подведомственности. Во-вторых, объектом контроля является

как законность, так и целесообразность деятельности контролируемого, когда контролирующий вправе вмешиваться в текущую административно-хозяйственную деятельность контролируемого. Закон (нормативный акт), как правило, предоставляет значительную свободу выбора для органа исполнительной власти, не предлагая жесткой модели поведения для каждой конкретной ситуации, отсюда – необходимость строгого контроля не только за законностью, но и за целесообразностью контролируемых действий. В-третьих, контролирующий часто наделяется правом отменять решения контролируемого. В-четвертых, в соответствующих случаях контролирующий вправе применять меры дисциплинарного воздействия к контролируемому за допущенные нарушения.

Содержание контрольной юридической деятельности – это совокупность всех составляющих ее свойств и элементов. В качестве ведущих выступают субъекты, объекты и контрольные отношения, а также механизм контрольного регулирования, который включает в себя юридические действия, операции, средства, способы и результаты.

Таким образом, анализ показал, что государственный контроль изучается преимущественно в административной (как функция органов исполнительной власти) и в конституционной науке (в аспекте теории разделения властей), реже – в теории государства и права и понимается либо как самостоятельная функция государства, либо как форма юридической деятельности. Отдельными авторами контрольная деятельность рассматривается в качестве содержания контрольно-надзорной ветви власти, которую исследователи предлагают выделять в качестве четвертой ветви власти в России.

Проанализировав доктринальные и нормативные определения контроля и его соотношение с надзором, автор считает обоснованным понимать контрольную деятельность как юридическую деятельность по обеспечению эффективного функционирования государства и общества посредством систематической проверки законности и эффективности действий и решений субъектов общественных отношений, осуществляемой специальными государственными органами на основе норм права, направленной на предупреждение, выявление и пресечение нарушений, принятия предусмотренных законодательством РФ мер по предупреждению, пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений и привлечению к ответственности.

Контрольная деятельность носит интегративный характер, является неотъемлемым и важным элементом в системе направлений деятельности государства, находится в тесной взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодействии со всеми видами деятельности государства и выступает в качестве концентрированного выражения системы сдержек и противовесов.

Литература

1. Адыев, А.А. Контрольно-надзорная функция современного Российского государства: политико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Адыев. – Казань, 2007.
2. Пожарский, Д.В. Контрольно-надзорная функция современного государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Пожарский. – М., 2004.
3. Пожарский, Д.В. Контрольно-надзорная функция современного государства: дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Пожарский. – М., 2004.
4. Солдатченко, М.Н. Контрольные полномочия финансовых органов России в сфере налогов и сборов в XVII-XIX вв.: историко-правовое исследование: автореф. дисс. д-ра юрид. наук / М.Н. Солдатченко. – Саратов, 2010.
5. Фаткуллин, Ф.Н. Проблемы теории государства и права / Ф.Н. Фаткуллин, Ф.Ф. Фаткуллин. – Казань, 2002.
6. Яблонская, А.Б. Контрольно-надзорная функция государственной власти в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Яблонская, А.Б. – М., 2009.

Особенности призрения детей-сирот во второй половине XIX-XX века

В крепостной России попечение о детях-сиротах было распределено между отдельными владельцами и ведомствами. Они и должны были «тщиться» о своих поданных. Поэтому, по идее, не могло быть детей брошенных, так как о каждом ребенке заботилось то учреждение, к которому он был приписан. Когда, например, речь шла о детях, просящих милостыню, вопрос слушал Николаевский комитет. Он разбирал это дело «по состоянию» этих детей. Детей помещичьих крестьян под расписку отдавали помещикам, детей государственных крестьян вручали местному старосте, солдатских детей препровождали в роту кантонистов и т.д. Если неизвестно было, чей это ребенок, его записывали в мещанское сословие. Само собой разумеется, что вся деятельность по устройству осиротевшего ребенка в детское учреждение определенным образом регламентировалась. Разнообразие на местах форм и видов призрения осиротевших детей, деятельности по его осуществлению предопределялось и тем, что всюду действовали свои положения, правила, уставы, имевшие как много общего, так и много специфического. Всё это – свидетельство имевшего место во второй половине девятнадцатого века поиска путей более совершенной охраны подлежащих призрению детей. Так, в 1872 году в Москве организуется общество охраны детей, просящих милостыню. Чуть позже, в 1889 году, в Москве появляется первое общество защиты детей, объектом внимания которого естественно становятся и дети-сироты. Возникает специализация разных обществ: «Общество защиты детей от жестокого обращения», «Детские ясли», «Общество спасения падших девушек», «Капля молока» и др. Многие из них занимались охраной детей, нуждающихся в общественном призрении.

На заре XX века в широких кругах европейского общества было принято называть грядущее столетие “веком ребенка”. Но всякие иллюзии на этот счет очень скоро исчезли. Первая мировая война принесла детскому населению России физические и нравственные страдания, разрушение семей, гибель родителей, голод и нищету в огромных масштабах. Усугубил положение ребенка и октябрь 1917 года. Миллионы обездоленных сирот, согнанные с постоянного места жительства, массы беженцев с малолетними детьми, расстройство правильного обучения детей в школах, их подорванное длительными лишениями здоровье – такова неприглядная картина первых лет существования государства так называемой новой формации. Для полноты картины можно добавить такой факт, как вовлечение десятка тысяч детей разного возраста в непосильный для них труд, что наполнило еще неокрепшую детскую психику нездоровыми переживаниями военных страстей и спекулятивного ажиотажа.

После революции 1917 г., когда молодая советская республика столкнулась с массовым сиротством и беспризорностью, основной (если не единственной) формой устройства стали государственные детские дома. В 1918 году все дети были объявлены государственными и до 1989 года расширялась сеть разнообразных форм детских домов. Все дети молодой России признавались детьми государства и находились под его защитой. В те годы шел активный поиск форм устройства осиротевших детей, хотя и эти поиски не выходили за рамки интернатного учреждения: детские коммуны, городки, трудовые колонии, пионердома. В пятидесятые годы Н.С. Хрущев провозгласил, что «интернат – лучшая форма детских домов», и в нашей стране заметно увеличилось количество интернатов для детей-сирот. Однако к середине 30-ых годов все формы устройства детей-сирот были сведены к единообразию – детским домам. После войны, в 1945 г., было создано более 650 детских домов для детей, которые в войну потеряли родителей. В те годы в детских домах находилось более 600 тысяч детей по СССР, а в России – 400 тысяч детей.

В годы Великой Отечественной войны был возрожден институт опеки и патроната, который был отменен в первые годы советской власти. В 1936 году вновь появился термин «патронат», который напрямую связан с принятием ВЦИК и СНК РСФСР постановления «О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся». Институт опеки и патронатной семьи активно развивался в годы Великой Отечественной войны. В 1942 году на патронате находилось 37 490 детей.

Только по официальным данным в России в конце войны насчитывалось 678 тысяч детей, оставшихся без родителей. Из них 278 тысяч (41%) находились в семьях, заменивших родительскую. В 1943 г. был принят специальный Приказ Наркомпроса о передаче сирот рабочим и колхозникам на патронат по договору, с выплатой зарплат и пособий детям. К сожалению, патронатное воспитание не вошло впоследствии в законодательство о браке и семье.

С 1960 г. стали активно внедряться школы-интернаты для детей-сирот. Многие школьные детские дома были преобразованы в школы-интернаты. В 60-70 гг. в признании детей, в педагогической науке и практике наметился явный поворот. Возобновились теоретические исследования в этих областях, связанные с разработкой системного подхода к признанию, воспитанию и обучению детей. В 1985 году ЦК КПСС и Совмин СССР приняли решение «О мерах по улучшению обеспечения детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в домах ребенка, детских домах, школах-интернатах». В 1987 году был учрежден Детский фонд. В 1988 г. – принято постановление «О создании детских домов семейного типа». В 1990 г. в 347-ми созданных детских домах семейного типа находились 3,5 тысячи детей. Эти дома финансируются из госбюджета, с учетом зарплаты родителям-воспитателям, оплаты их отпусков. В начале девяностых годов были приняты и начали реализовываться три большие социальные программы: «Социально-психологическая поддержка, обучение и воспитание детей с аномалиями развития», «Творческое развитие личности» и «Социальные службы помощи детям и молодежи». Тогда же были разработаны действующие до настоящего времени государственные социальные программы, такие как «Дети России», «Дети Чернобыля». В 1991 году в России был официально введен институт социальной педагогики, что дало сильнейший импульс для методологических, теоретических и научно-практических исследований в сфере подготовки и деятельности новых кадров (социальных педагогов).

После 70-летнего перерыва Россия возвращается в мировое образовательное пространство. Изучается зарубежный опыт признания, воспитания и обучения детей, издается переводная литература, происходит активный обмен специалистами.

В настоящее время Россия стоит у истоков нового периода в деле признания, воспитания и обучения своих детей.

